

С другой стороны, происходит усложнение семантического содержания формальных аппаратов в пределах самой ситуации говорения. Это развитие, аналогичное развитию сигнификата в слове, назовем *т р е т и ч н о й* *т р а н с п о з и ц и е й* формального аппарата. Как и в случаях с сигнификатом, изменения здесь всегда, по-видимому, однонаправлены и необратимы. Рассматривая их (в рамках иной теории), Е. Курилович счел возможным характеризовать их как универсальные законы развития грамматических категорий, например: глагол состояния → перфект → неопределенное прошедшее → повествовательное время²³. Развиваемая здесь теория, в некоторых пунктах близкая к теории Е. Куриловича, отличается, в частности, тем, что изменения, подобные приведенным в примерах, мы рассматриваем как транспозиции первичных формальных аппаратов по линии сигнификата (означаемого, содержания, значения), отличные от изменений по линии денотата, или референта. Кроме того, мы предполагаем, что изменения по линии денотата зачастую предшествуют изменениям по линии сигнификата, которые таким образом оказываются уже не вторичными, а третичными.

Рассмотрим *в т о р и ч н ы е* *т р а н с п о з и ц и и* в формальном аппарате каждой функции.

Т р а н с п о з и ц и я *л о к а л ь н о г о* *а п п а р а т а* *п р а г м а т и ч е с к о й* *ф у н к ц и и* является простейшим случаем. Ситуация актуального настоящего с ее координатами 'я' — 'здесь' — 'сейчас' отождествляется с какой-либо другой ситуацией, отдаленной в пространстве или во времени от ситуации говорения. Эти процессы хорошо исследованы и здесь достаточно будет ограничиться одним примером (по Е. Куриловичу):

Первичный аппарат
(в ситуации говорения
с актуальным настоящим)

здесь
сюда
отсюда

Вторичный аппарат
(признаки ситуации говорения
метафорически перенесены на
ситуацию, отдаленную в про-
странстве и времени)

*там
туда
оттуда и т.д.

Е. Курилович в тех же рамках рассматривает и транспозицию в парадигмы пространственных падежей имени существительного: *здесь* — *там* — *в лесу*; *сюда* — *туда* — *в лес*, и т. д.

С нашей точки зрения, последнее составляет совершенно особый, уже не вторичный, а третичный процесс, в котором взаимодействуют аппараты двух разных функций — прагматической и номинативной (так как сочетаются показатели пространственных отношений и характеризующие номинативные знаки *лес*, *дом* и т. п.). В рамках прагматической функции могут найти объяснение не пространственные падежи в целом, а лишь их формальные показатели. Действительно, даже в таком устойчиво флективном индоевропейском языке, как литовский, вся группа местных падежей в своих флексиях восходит непосредственно к пространственным наречиям, но вторым источником местных форм являются вполне развитые падежи. Так, инессив из датива + послелог -en, rankoje < *rankāi + en «в руке»; иллатив из аккузатива + послелог -nā, miškan < *miškan + nā «в лес»; адессив (мн. ч.) из инессива (мн. ч.) + послелог rie, žmonesemp < *zmonesen + rie «у людей»; аллатив из генитива + тот же послелог, vakarop < vakaro + rie «к вечеру».

²³ См.: Курилович Е. О методах внутренней реконструкции (русск. перев. Новое в лингвистике. М., 1965, вып. IV, стр. 433); е г о ж е. O rozwoju kategorii gramatycznych. Kraków, 1968; е г о ж е. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 24—28.